

**НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ОБОРОНЫ**

Союза Советских Социалистических
Республик

СЕКРЕТНО.
175

15

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Р.К.К.А.

Комкору тов. УРИЦКОМУ.

ОТДЕЛ ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ

25. февраля 1937 г.

№ 25210/с.

Москва, ул. Фрунзе, 19. Тел. № 3-61-00

⟨ ⋈ ⟩

Докладываю:

25 февраля с.г. германский военный атташе генерал КЕСТРИНГ был в Отделе внешних сношений и сообщил, что он просит меня, который непосредственно руководит иностранными военными атташе, передать Начальнику Генерального Штаба РККА Маршалу т. ЕГОРОВУ и Народному Комиссару Обороны Советского Союза Маршалу т. ВОРОШИЛОВУ нижеследующее:

На прошлой неделе Зав. Отделом НКВД ШТЕРН обедал у нашего посла и частным порядком спросил последнего: не хотели бы мы стозвать тех из наших представителей, имена которых были названы в закрытом заседании последнего процесса. При этом разговоре ШТЕРНОМ фамилии не были произнесены.

22 февраля наш посол был принят Заместителем Народного Комиссара по Иностраным Делаам т. КРЕСТИНСКИМ и в разговоре, между двумя фамилиями, была названа моя фамилия. Я до сих пор ничего не предпринимал, хотя меня иностранцы спрашивали не касается ли это меня, ибо мое имя не было названо. Я не предполагал, что Советское правительство может верить подсудимому, которого

*Народному Комиссару
Обороны*

*Маршалу Советского Союза
т. Ворошилову*

*25.2.37
Штерн
п.б. ц.к. РККА
комкору Урицкому
ознакомить
Ворошилова
25/2/37*

*Штерн
Монголь
т.п. Александр
т.п. Александр
т.п. Александр*

Ваши газеты много раз называли лжецом. В приговоре я не был назван и думал, что суд не присоединяется к тому, что говорил подсудимый РАДЕК. После процесса я встретился с высшими представителями советского командования и с представителями советской гражданской власти на приемах и они, как и всегда, были вежливы и внимательны и у меня не было и мысли, что я такой преступник.

Так как впервые мое имя названо официальным лицом и зная, что не мое дело заявлять протесты, но как человек, которого лично знают Ваши военные высшие руководители, я прошу довести до их сведения мои оправдания.

В опубликованной книге о процессе Радек говорит, что он встречался с германским атташе в 1934 году. В это время я был, если не ошибаюсь, в Африке. Радека я встречал четыре раза и если понадобится уточнение когда и где, то я это сделаю. Помню у итальянцев на приеме и у турок, во всяком случае при разговорах с ним были свидетели в том числе и Ваши командиры, ибо разговоры были громкие и краткие. Никогда Радек не говорил в смысле данном моим словам после процесса. При его хвастовстве, что к нему хорошее отношение высшего командования и советского правительства, я не мог предполагать, что он троцкист. Что троцкисты существуют как организация я узнал из зиновьевского процесса. Радек на процессе придал моим словам такой смысл, что я будто-бы знал, что он является представителем параллельного центра. Ни о блоке, ни о параллельном центре не упоминалось в разговорах и я о них не имел никакого понятия. В разговоре с Радеком, как и с другими представителями командования я говорил о желательности улучшения наших взаимоотношений ибо я, как это многим известно, всегда работал в смысле улучшения этих отношений. Я не мог работать против Вашего Правительства, реальные силы которого я знаю хорошо. Одно помню, Радек всегда предостерегал против вой-

ны. Помню его изречение: "Теперь в Красную Армию не врежете, как ножом в масло". Есть свидетели, которые это слышали. Он еще мне говорил: "У нас колхозники знают, что защищать", "нас коммунистов - 5 миллионов и известно, что при поражении не будет никакой пощады". После этих изречений я не мог себе представить, что это говорит троцкист и не представляю, как мог он говорить на процессе, что они хотели войны.

Формально я не имею права протестовать перед военным командованием, но я прошу довести просьбу до сведения Маршала ЕГОРОВА и Народного Комиссара Маршала ВОРОШИЛОВА, чтобы моим словам верили не меньше чем Радеку, который в приговоре и процессе характеризуется самыми плохими словами.

Мне особенно больно, что ко мне пред"являются обвинения, который ни в чем себя не считает виновным. Я, как атташе, интересовался Красной Армией и давал о ней информацию, но политикой я не интересовался и в ней, должен сказать откровенно, мало понимаю. За время моего пребывания в Советском Союзе ко мне было исключительно внимательное отношение со стороны Отдела внешних сношений, с Вашей и со стороны высшего командования и самого Народного Комиссара Обороны Маршала ВОРОШИЛОВА, и вот перед ним, в неофициальном порядке, я хочу оправдаться.

Мною было указано КЕСТРИНГУ, что я не могу рассматривать его просьбу как официальную, ибо это дело идет дипломатическим путем и если представителем Наркоминдела пред"явлено требование о его отозвании, то для этого есть достаточные данные. Поскольку он, как атташе, обращается в Отдел внешних сношений, то я его выслушал, но так как это дело идет дипломатическим путем, не считаю для себя возможным обсуждать его с ним.

Довести его просьбу до сведения командования попытаюсь, но не знаю будет ли командование интересоваться его объяснениями, так как этот вопрос поставлен НКВД дипломатическим путем.

НАЧАЛЬНИК ОВС-КОМКОР

Теннер /ГЕККЕР/